

Исторические портреты. КАРЛ I СТЮАРТ

Автор: А. Б. СОКОЛОВ

Соколов Андрей Борисович - доктор исторических наук, декан исторического факультета Ярославского педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

В последнюю четверть века интерес к личности и правлению английского короля Карла I значительно возрос. Прежде всего, это связано с тем, что некоторые историки так называемого ревизионистского направления (наиболее известным из них является К. Рассел) пересмотрели многие оценки деятельности этого монарха, представлявшиеся вполне устоявшимися в историографии Английской революции XVII в. на протяжении десятилетий. Их подходы, в свою очередь, стали поводом для непрекращающейся уже в течение многих лет дискуссии.

Драматическая судьба Карла I побуждает задуматься над вопросом: что привело его на эшафот; в какой степени на нем лежит вина за неурядицы и кровь, пролитую на полях сражений гражданских войн. В. Уэджвуд, как и многочисленные историки, утверждает, что восставший "народ" впервые в истории привлек суверена к суду¹. Другой либеральный историк - Р. Эштон, противопоставляя казнь Карла I казни Людовика XVI во Франции и убийству семьи Романовых в Екатеринбурге, отмечал, что "то меньшинство революционеров, которое ответственно за цареубийство в 1649 г., ни в каком смысле не рассматривало его как символическое рождение новой эры"².

Изучение судьбы Карла Стюарта неразрывно связано с проблемами истории Английской революции в целом - этот подход к теме всегда привлекал исследователей. По словам К. Рассела, обсуждение причин революции - "излюбленный спорт" британских историков. В освещении истории революции доминировало либерально-вигское направление, и соответствующая интерпретация революции в общих чертах была сформулирована еще в XIX веке. Т. Б. Маколей утверждал, что многочисленные просчеты Карла I, проистекавшие из определенных свойств его характера, привели к конфронтации с парламентом, права которого король хотел ущемить, чтобы править абсолютистскими методами подобно монархам на континенте - он покусился, следовательно, на традиционную английскую конституцию. Но суд и казнь были ошибкой революционеров, позволившие Карлу I продемонстрировать качества "истинного джентльмена". Любопытно, что далекий от либеральной историографии Т. Карлейль, в рамках своей концепции "героев и толпы" восхвалявший О. Кромвеля, обнаруживал в последнем такие необходимые великому правителю качества, которых король был напрочь лишен.

стр. 70

Особый вклад в разработку либерально-вигской интерпретации Английской революции внес крупнейший из викторианских историков, занимавшихся этой темой, С. Гардинер, автор "Истории Англии 1603 - 1642". Он не только создал

концепцию "пуританской революции", но главное - рассмотрел гражданскую войну как кульминацию в длительном конфликте между короной и парламентом, начавшемся с воцарением Якова I на английском престоле. Противоборство двух первых Стюартов и их парламентов рассматривалось Гардинером как важнейшая составляющая, определившая развитие в Англии парламентской демократии - самой цивилизованной формы управления. Известный ревизионистский историк Дж. Кларк обратил внимание, что к наследию этого историка обращаются как неолиберальные историки, так и ревизионисты, хотя и с разных позиций. Если первые делают акцент на конституционных сражениях вокруг принципов, то вторые высоко оценивают скрупулезность исследования Гардинера, его способности сконцентрироваться на деталях и мастерство нарратива³. Интерпретация Маколея и Гардинера нашла блестящее продолжение в трудах Дж.М. Тревельяна, отмечавшего, что в гражданских войнах столкнулись "отважные, беззаветно преданные кавалеры и одержимые заботой об общем благе круглоголовые".

В условиях усиления экономических подходов и под влиянием марксизма идея прогресса в известной мере вышла из моды, уступив место поиску истоков конфликта в изменении структуры английского общества и распределении богатств. Подход Р. Г. Тоуни и Кр. Хилла вел к пониманию Английской революции как буржуазной, вызванной ростом капитализма и усилением роли джентри и буржуазии. Более гибкую трактовку социальных причин революции пытался дать Л. Стоун, который писал, что гражданская война "расщепила" не только землевладельческий класс, но и буржуазию. "Поскольку низы, как городские, так и деревенские, не приняли в революции никакого участия, если не считать того, что служили пушечным мясом для обеих сторон, то конфликт в среде собственнических классов, выступивших со своими интеллектуальными союзниками, пуританским духовенством и юристами, определил возникновение войны", - утверждал Стоун⁴. Однако, по мнению Дж. Кларка, Стоун так и не смог избавиться от привычной ему идеи экономических противоречий, переведя разговор в плоскость вертикальной социальной мобильности нового дворянства⁵.

В советской историографии господствовал марксистский подход, и революция безоговорочно рассматривалась как "буржуазная", хотя и идеи либеральной историографии не отбрасывались. Советскими историками была сконструирована некая иерархия предпосылок революции, причем на первом месте стояли экономические (приверженность марксизму!), а затем политические и идеологические (влияние вигской историографии) факторы. От либеральных историков было унаследовано мнение, что Карл I стремился к насаждению абсолютизма и тирании. Кроме того его личности были присущи отрицательные качества.

С конца 1960-х годов прежние ортодоксии, либеральная и марксистская интерпретации причин Английской революции, подверглись на Западе резкой критике со стороны "революционистов" в историографии этой темы. Многочисленные исследования заставляли усомниться в, казалось бы, устоявшихся положениях традиционной историографии. Обнаружилось, что невозможно найти прямую связь между экономическим и социальным статусом участников гражданской войны и присоединением их к той или иной стороне. Многие современники затруднялись с таким выбором и стремились к тому, чтобы военные действия не распространялись на район, где они жили. Новейшие исследования также показали, что конфликты короны и парламентов при первых Стюартах носили

не принципиальный и последовательный ("системный") характер, а отражали личные, фракционные и местные интересы парламентариев: "Парламент не был политической ареной или главным протагонистом. Подавляющее большинство депутатов съезжалось в Вестминстер, чтобы подтвердить свое положение или обрести опору на местах,

стр. 71

выиграть местные битвы, поддержать королевских министров. Кто хотел стать политиком национального масштаба, мог принимать участие в парламентских дебатах, но главная борьба шла не в палате общин, а при дворе"⁶.

Более того, часто борьба в парламенте инспирировалась самими придворными как средство усилить собственное влияние при дворе. Так, атака в палате общин в 1626 г. на герцога Дж. Бекингема - фаворита и министра при Якове I и Карле I не являлась спонтанным всплеском ярости оппозиции по отношению к королю и его приближенным, а частью кампании, тщательно организованной главным соперником герцога при дворе графом Пемброком. По мнению американского историка Ч. Карлтона, новейшие исследования показали, что роль парламента при первых Стюартах преувеличена под влиянием того, что со временем он стал главным инструментом британской политики: история любит победителей. "Совершенно точно - Карл не считал парламент главным органом королевства, а свои проблемы не рассматривал как борьбу между короной и парламентом", - заключает он⁷.

В общем виде смысл такого подхода К. Рассел выразил следующим образом: чтобы ответить на вопрос, почему в 1642 г. началась гражданская война, не требуется рассматривать долгую историю отношений между королями и парламентами; надо решить, почему случилось так, что собравшиеся в ноябре 1640 г. депутаты Долгого парламента, которые и в страшном сне не могли представить, что будут воевать против своего короля, уже через несколько месяцев оказались в состоянии войны с ним. Ответ может быть найден путем анализа конкретных обстоятельств и личных и групповых интересов, выявившихся в первые недели и месяцы революции.

Ревизионистские историки считали, что в традиционной историографии роль парламента при первых Стюартах рассматривалась в модернизированном виде: даже в 1620-х годах, когда выборы проводились пять раз, сессии были редкими, двор и Тайный совет играли в управлении страной куда большую роль. Историки-ревизионисты, говоря о событиях 1640-х годов, крайне неохотно используют сам термин "революция". Так, Дж. Кларк утверждал, что это слово по отношению к событиям в Англии впервые применил либеральный историк "школы периода Реставрации Бурбонов" Фр. Гизо, исходящий из своего представления, что события 1640 и 1789 гг. одного порядка - "две победы в одной и той же войне". До появления его знаменитой "Истории Английской революции" использовалось другое понятие - "rebellion" (восстание, мятеж)⁸. Не менее определенно высказался по этому поводу другой историк-ревизионист, Дж. Моррил. По его мнению, вопрос о политических правах парламентанисколько не будоражил депутатов даже в 1640 - 1642 гг.; слово "тирания" в этом контексте парламентариями тогда не применялось. Единственное, что сплотило их против Карла I - религиозный вопрос. Более 75% всех

опубликованных тогда речей парламентариев и политических трактатов касались вопросов церковного устройства. Моррил считает, что правильное название событий середины XVII в. - "религиозные войны в Англии", и только так можно поставить гражданские войны в соответствующий контекст раннего нового времени, а не модернизировать их, приспособив на роль предшественника революций нового времени⁹. Моррил также заметил, что именно такое название указывает, что гражданские войны были не только английскими, но и войнами с Шотландией и Ирландией. Действительно, достижением историков ревизионистского направления было то, что именно они подчеркнули общебританский контекст, в рамках которого только и можно понять происхождение и характер событий 1640 - 1650-х годов. Карл I, подчеркивал Рассел, был королем не только Англии, но также Шотландии и Ирландии, а три страны глубоко различались своим политическим, а главное, религиозным устройством¹⁰.

Итак, "класс-68", как называет Дж. Кларк ревизионистов, чьи взгляды сформировались в "бурные 60-е", на фоне протестных движений, и которые "сокрушили" "старых шляп" и "старую гвардию" (так он называет соответственно либеральных и марксистских историков). В методологическом пла-

стр. 72

не для ревизионистской историографии характерен отказ от объективистской детерминированности, от обобщений и структуралистских объяснений исторических явлений, а также акцент на казуальном. Само понятие "ревизионизм" воспринимается многими историками как ярлык. Смена интерпретаций - неотъемлемая часть развития исторической мысли, поэтому каждое поколение имеет собственное видение прошлого. По наблюдениям британского историка И. Мортимера: ревизионизм в историографии часто воспринимается негативно и вызывает отторжение. По мнению Мортимера, одна из причин нежелания принять взгляды ревизионистов связана с приверженностью к культурному наследию и более фундаментальным подходом к вопросу о роли истории в современном обществе¹¹.

Уже в 1980 - 1990-х годах прозвучала критика концепций историков ревизионистского направления со стороны тех, кого сразу же стали называть "постревизионистами", призвавшими отказаться от "крайностей" ревизионистской историографии, считая одной из них полное игнорирование политических принципов как возможного источника конфликта. Как утверждает Дж. Соммервиль, в новейшей историографии редко озвучивается, но присутствует, убежденность, что идеология не играет в политике никакой роли, поскольку ее суть в "голом интересе": когда цели достигнуты, люди обращаются к "высоким" идеям, чтобы оправдать свое поведение, хотя на самом деле последнее диктуется жадностью и амбициями. В жизни же не так: иногда идеи или, если хотите, предубеждения заставляют людей поступать вопреки своим интересам¹².

Другой представитель постревизионистского направления - Э. Хьюджес - согласна с многими оценками личности и правления Карла I, прозвучавшими в работах ревизионистских историков. По ее мнению, историки, в сущности, едины в том, что этот король был "прискорбным образом негоден к монархической власти", однако

полагает, что "описание высокой политики и деяний великих мира сего" не объясняют происхождения войны, так как для этого необходим анализ социального, идеологического и политического развития в долговременном плане. "Политика Карла, - пишет она, была не проявлением беспорядочных импульсов его несчастливой и невезучей натуры, а вполне объяснимым выбором между различными путями развития английской политической системы. Так, например, его страх перед публичностью совершенно явно был ответом на реальные социальные и политические изменения. Эго политика приносила вред потому, что она касалась (самым грубым образом) тех долговременных структурных проблем, которые были "отложены" или порождены в предшествующие царствования"¹³ .

Таков общий историографический фон, помогающий понять, как историки оценивали Карла I в последние 20 - 25 лет. К этому можно добавить, что во многих исследованиях внимание обращалось на психологические особенности его личности, а автор самой известной новейшей биографии этого короля, американский историк Ч. Карлтон прямо заявил, что счел возможным использовать в своем исследовании методы психоистории¹⁴ .

В освещении намерений и поступков Карла, мотивов его деятельности многое сейчас выглядит иначе, чем тогда, когда во всей его политике видели только одно - устремленность к абсолютной и деспотической власти. Тем не менее, общая тональность оценок достаточно однородна: большинство историков склоняется к мнению, что Карл был фатально непригоден к выполнению роли, возложенной на него судьбой. По словам Р. Хаттона, "Карл был худшим королем, который у нас был со времен средневековья". М. Ли утверждает: "Случившееся в Шотландии было прямым результатом его действий. Если и был когда человек, разрушивший себя самого, то им был Карл Стюарт"¹⁵ . Даже такие историки, как К. Рассел, указавшие на то, что и политика парламентской оппозиции вела к гражданской войне, не освобождали короля от большой доли ответственности за нее. "Неудачливый король на троне, - замечает он, - вот то, что дает ответ на главные вопросы относительно

стр. 73

причин гражданской войны... В том, что соглашение между королем и Долгим парламентом не было достигнуто, почти всегда обвиняли Карла. Он действительно мало сделал для этого, но обвинять его можно только в том случае, если признавать, что существовали подходящие условия соглашения. Но даже если это так, проявить гибкость в религиозных вопросах Карлу было не легче, чем лидеру парламентской оппозиции Дж. Пиму: спор касался темы, вызывавшей в обществе глубокую вражду, и нельзя было уступить, не породив в своем лагере угрожающую партию недовольных"¹⁶ .

Возможно, единственным исключением среди историков является К. Шарп, полагавший, что Карл обладал необходимыми правителю качествами, прежде всего трудолюбием, и на деле был центральной фигурой в управлении¹⁷ . Ч. Карлтон оспаривает это мнение: король редко участвовал в заседаниях Тайного совета, только в двух случаях, когда речь шла о принудительном займе в 1626 г. и о едином молитвеннике в 1637 г., инициатива принадлежала ему лично. В обоих случаях это

привело к катастрофе. В деятельности Карла сочетались периоды сверхактивности и полного отсутствия интереса к государственным делам - а это "самая опасная смесь"¹⁸. Большинство исследователей считает, что король не проявлял ярко выраженного интереса к политике. Он часто писал на бумагах, присланных ему для решения: "Поступайте так как считаете, это в моих интересах". Тем самым оспаривается мнение, что и в годы правления без парламента король стремился насадить абсолютизм.

Будущий король Англии родился 19 ноября 1600 г. в замке Думфернлайн; его родителями были шотландский король Яков VI и королева Анна Датская. Появление Карла на свет совсем не было таким ярким, как его трагический уход из жизни. Отношения между родителями уже были испорчены, и хотя роды были тяжелыми, Яков предпочел находиться в Эдинбурге, чтобы наблюдать, как останки двух преступников, казненных за государственную измену, после повешения и четвертования рассылались в разные части королевства. Карл был третьим из выживших королевских детей. Старший брат - Генрих, родившийся в 1594 г., был наследником, которому уделялось все внимание: его готовили к тому, чтобы он достойно занял принадлежавшее по праву рождения место. Сестра Елизавета родилась в 1596 году. Карл был слабым и болезненным ребенком, до двух с половиной лет он совсем не мог сам ходить, а позднее, до четырех лет передвигался только с посторонней помощью. Это было следствием рахита. Был у Карла и другой физический недостаток: он всю жизнь сильно заикался, и это затрудняло столь важные для правителя возможности для общения; часто он предпочитал молчать, когда требовалось веское слово монарха.

Когда в марте 1603 г. после смерти Елизаветы I Яков унаследовал английский престол, Карла не решились везти в Лондон, и еще больше года он оставался в Шотландии, но и затем, уже в Англии, пребывал на попечении семьи придворного Р. Кэри; его редко привозили ко двору, и никто не ожидал, что "мальш Чарльз" когда-либо будет играть какую-то значимую роль. В свои детские и юношеские годы он упорно старался преодолеть отчужденность, которую ощущал в своей семье; внимательной к нему была только мать. Старшие дети вежливо, но прохладно реагировали на его заверения в преданности, а отец практически игнорировал Карла. Свое время принц посвящал сбору монет и медалей, приобретая вкус к коллекционированию, участвовал в маскарадах и играл в войну в дворцовых парках Якова I.

Все изменилось, когда в 1612 г. неожиданно умер Генрих: надежды сконцентрировались теперь на Карле. Его начали готовить к царствованию, но Карл полагал, что ни король, ни его двор не обладают должным достоинством, а Яков I, сравнивая Карла с умершим братом, явно отдавал предпочтение последнему. Сначала Карл крайне негативно относился к Дж. Вильерсу (герцогу Бекингему) за его связь с королем. Потом это отношение изменилось - трудно сказать, то ли потому что принц понял: чтобы быть ближе к Якову I, надо дружить с Бекингемом, то ли он, как многие при

дворе, попал под очарование последнего. Дружба Карла с Бекингом укрепилась, когда в 1623 г. они совершили вместе романтическое путешествие в Мадрид, цель которого заключалась в устройстве брака Карла с инфантой Марией, дочерью испанского короля Филиппа IV. Хотя Карл увидел ее только раз в окно кареты, он почувствовал, что влюбился. После нескольких недель безуспешных попыток добиться согласия испанской стороны англичане поняли, что их проект провалился, и вернулись домой. Английские протестанты вздохнули с облегчением.

Вскоре после возвращения Карл убедил себя, что в Мадриде с ним обращались недостойно, и присоединился к прозвучавшим в парламенте требованиям о вступлении в войну, которую позднее назовут Тридцатилетней. Еще в 1618 г. правитель Палатината (Рейнского Пфальца) Фридрих V, женатый на сестре Карла Елизавете, согласился принять титул короля Богемии, что и послужило началом войны. Вскоре избранный императором Фердинанд Габсбург изгнал Фридриха не только из Праги, но и из Палатината, и к 1623 г. война превратилась в полномасштабный конфликт между католическими австрийскими и испанскими Габсбургами и протестантскими странами центральной Европы. Многие в Англии верили, что ситуация носит угрожающий характер, и призывали Якова вмешаться для спасения "протестантского дела". Все последние месяцы своего правления Яков сопротивлялся такому давлению. Именно Карл и Бекингем использовали парламент 1624 г., как инструмент давления на короля, им принадлежала инициатива осуждения в палате лордов Л. Кранфилда, графа Мидлсекса, одного из главных советников Якова I и противника войны с Испанией. Яков пророчески сказал фавориту: "Ты - дурак, потому что готовишь розги, которыми тебя высекут самого". А Карлу добавил: "Ты еще пресытишься этими парламентами". "Король был прав: принц и герцог создали фатальный прецедент, не только возродив средневековый импичмент, но что более важно, вовлекли парламент в непривычные и разрушительные действия против короны", - заметил Ч. Карлтон¹⁹.

Какой опыт приобрел Карл в молодые годы? В современной историографии акцент делается не на преемственности между Яковом I и Карлом I; напротив, преобладает мнение, что Карл стремился во всем, осознанно или нет, действовать вопреки отцу. Это хорошо видно даже по тому, как с воцарением последнего изменился двор. Исчезли шуты и карлики, вместо не слишком скрывааемых пороков превозносятся супружеские добродетели. Законом стали требования придворного этикета. Переговоры с французами, начавшиеся еще при Якове I, завершились тем, что Генриетта-Мария стала женой Карла. Сначала отношения между ними не были теплыми, но после гибели Бекингема именно она сумела утешить Карла, и королевская чета стала образцовой супружеской парой.

Любимым занятием Карла было покровительство искусству и коллекционирование. Он не жалел на это ни времени, ни средств, ни энергии. Карлом была создана одна из лучших в то время коллекций ренессансного искусства, в которой, по некоторым подсчетам, только картин было 1760. Карл и сам обладал прекрасным вкусом и легко отличал руку мастера от кисти учеников. Не случайно, для ведения переговоров с Англией в 1629 г. испанцы избрали П. П. Рубенса, который по заказу короля рисовал потолок в Уайтхолле (именно напротив этого здания в 1649 г. будет сооружен эшафот), у пуритан же такое покровительство католикам вызывало глубокие подозрения. С 1632 г. придворным живописцем Карла стал ученик Рубенса А. ван Дейк, создавший целую галерею королевских портретов. Многие из них семейные,

на некоторых Карл в духе супружеской идиллии изображен за руку с Генриеттой-Марией, но для недовольных это служило лишним напоминанием, кем направляется королевская политика. Еще больше пуритан раздражала мода, завезенная из Франции и Италии - игра в маски. Карл и его королева, как раньше Яков I, сами принимали участие в изысканных пьесах, преисполненных символизмом. Появление в них королевской четы должно было

стр. 75

символизировать восстановление порядка из хаоса - роль, которую приписывал себе Карл.

Однако дело не только в том, что при Карле изменилась придворная атмосфера. Важнее то, что своими качествами, как правитель, Карл резко отличался от своего предшественника. Он не был ученым и политическим мыслителем, как отец, но он не меньше его верил, что королевская власть от Бога. Методы же правления резко различались. Большинство исследователей придерживается мнения, что Яков I преуспевал как правитель во многом благодаря определенной проницательности в отношении людей и событий, умению выслушивать советы и критику, способности маневрировать и готовности идти на компромисс ради достижения конечной цели. Не без основания считая себя умелым политиком, он мог даже сомневаться в собственных решениях, отменять те, что оказывались непопулярными. Напротив, Карл не воспринимал и не принимал других мнений, не терпел критики, был плохим переговорщиком, не был лидером и в высшей степени неохотно отменял свои решения, даже если они оценивались его подданными крайне отрицательно. "Карла можно считать куда более привлекательным человеком, чем его отец, но как правитель он был куда хуже", - заключает К. Дурстон²⁰.

Воодушевление, с которым было воспринято в обществе новое царствование, было непродолжительным. Уже в первом парламенте, созванном летом 1625 г., начались трения с парламентариями. Возникновение этого конфликта в современной историографии связывается главным образом с внешней и военной политикой Карла I. Если Яков I тяготел к миролюбию и все последние годы своего правления избегал боевых действий (хотя повод для этого был существенный - его собственный зять Фридрих был лишен габсбургской коалицией своих владений), то его преемник немедленно вступил в войну с Испанией, и в октябре 1625 г. мощный флот (около 100 кораблей) был отправлен к испанским берегам для захвата Кадиса. Экспедиция, общее руководство которой осуществлял Бекингам, была безуспешной, и уже в ноябре при возвращении значительная часть кораблей погибла или получила серьезные дефекты вследствие шторма. Для тех, кто помнил подвиги Ф. Дрейка, было ясно: английский флот почти повторил судьбу испанской армады. Продолжая войну с Испанией, летом 1627 г. король вступил в войну с Францией. Хотя сам Карл I всегда говорил о себе как о защитнике протестантского дела, трудно сказать, насколько на него повлияли ухудшившиеся отношения с Генриеттой-Марией, давление Бекингема, стремившегося оградить Карла I от ее влияния, или то обстоятельство, что командир гугенотов в Ла Рошели герцог Субиз был его крестным отцом. Так или иначе, все три экспедиции в Ла Рошель (последняя - уже

после убийства Бэкингема осенью 1628 г.) закончились провалом.

Но именно эти войны побуждали Карла I требовать денег от парламента, и то, что уже первый парламент крайне неохотно реагировал на такое требование, вызвало раздражение короля. Второй парламент 1626 г. был сразу распущен Карлом I, когда в нем прозвучало требование судить Бекингема как главного виновника неудачи кадисской экспедиции. Тогда и прибегли к "принудительным займам", что оказалось действенной финансовой мерой, но вызвало протесты и обращение в суды. Тем не менее, подчеркивают историки, даже не жесткие финансовые и административные меры, как таковые, привели в 1629 г. к разрыву между Карлом I и его подданными. "Угрожающим в войнах Карла и превративших их в главный фактор для возникновения кризиса 1629 г., было то, что они полностью и очевидным образом оказались неудачными. Унижения при Кадисе и Ла Рошели оказали немедленное и разрушительное воздействие на мораль политической нации, которая не могла не видеть контраст по сравнению со славными военными экспедициями елизаветинского царствования"²¹. Такую же по сути мысль высказывал и Ч. Карлтон: "Рассматривать этот период как борьбу Карла с парламентами, значит читать историю вспять, от Великой Ремонстрации и гражданской войны; если что и было обузой для

стр. 76

Карла в первые три года его царствования, то не парламента, а военные экспедиции, сделавшие их неизбежными"²².

Другое отличие правления Карла от его предшественника проявилось в религиозной политике. Уже при Якове I в господствующей англиканской церкви противоборствовали два течения - арминианское и кальвинистское. Английские последователи голландского теолога Якоба Арминия, высказывавшего сомнение в идее божественного предопределения, обращали внимание на обрядовую сторону, стремились вернуть богослужениям пышность, яркость и красоту. Кальвинисты считали, что в таком случае доктрина и порядок богослужения ничем не будут отличаться от "папистского". В течение всего правления Яков I последовательно стремился не допускать перевеса какого-либо из этих течений и старался уравновесить их влияние в епископате. Напротив, Карл I и здесь оказался неспособным к проведению сбалансированной политики: уже в 1625 г. он прямо взял под покровительство арминианского проповедника Р. Монтегю, чей трактат вызвал критику пуритан в парламенте. Карл выдвигал на главные позиции в церкви арминианина У. Лоу, в конце концов сделав его архиепископом Кэнтерберийским. Уже к 1629 г. во главе церковной иерархии находились исключительно арминиане, что породило глубокий конфликт между ними и подавляющим большинством английских кальвинистов. Стремясь заставить подданных разделять его религиозные убеждения, Карл вел дело к возникновению двух враждебных религиозных лагерей, совсем не намеревавшихся мириться друг с другом²³.

В течение десяти лет, вплоть до своей гибели в 1628 г., наиболее влиятельной политической фигурой в стране был Бекингема, и его близость к Карлу I была важнейшим фактором, предопределившим быстрое отчуждение между королем и

подданными. Помимо подозрений в коррумпированности и склонности к католицизму ходили слухи, что герцог занимается черной магией, использует приворотные средства, позволяющие соблазнить любую женщину, и даже что именно он отравил Якова I. Впрочем, некоторые современные историки более лояльны к фавориту, чем большинство его современников: "Бекингем обладал всеми талантами: был красив, очарователен, держался с достоинством, был сообразителен, умел манипулировать королями и отдавал много времени государственным делам. Единственное, чего

стр. 77

ему не хватало - это везения. Продлись экспедиция в Кадис на два дня дольше, англичане застали бы возвращающийся из Америки и груженный сокровищами испанский флот..., не попади десятипенсовый ножичек Фелтона в нужную точку и под нужным углом, царствование Карла могло сложиться иначе" ²⁴. Кроме того, пока Бекингем был жив, он "оттягивал" недовольство от королевской персоны на себя.

Исследования историков-ревизионистов показали, что непреодолимых конфликтов между короной и парламентом до 1625 г. не было, да и сама роль парламента была невелика, депутаты "обслуживали" интересы своей местности и не стремились к расширению парламентских полномочий. По словам К. Рассела, искать объяснение неудачам Карла I исключительно в его отношениях с парламентом, значит принимать симптом за болезнь ²⁵. Историки же постревизионистского направления считали, что избиратели в графствах были вполне информированы о событиях в Лондоне, и отрицать роль парламентариев в нарождавшемся кризисе невозможно ²⁶. В отличие от Якова I, считавшего, что оппозиция - неизбежный элемент политической игры, а искусство правителя в том, чтобы преодолеть ее, Карл нетерпимо воспринимал любой признак несогласия, что до крайности сужало возможности для переговоров и компромисса. Ч. Карлтон, рисуя психологический портрет короля, подчеркивает, что оппозиция всегда воспринималась им как заговор злых и эгоистичных людей. В конституционном плане он считал, что, обладая правом созыва и роспуска парламента, он только сам может судить о том, что в деятельности последнего было добром и что злом. На уровне прагматическом он уверовал в то, что для блага многих имеет право преподнести урок кучке тех, кто сеет беды. На психологическом уровне, утверждает этот историк, Карлу I было присуще "проецирование", то есть перекладывание на противоположную сторону действий или мыслей, в которых он, осознанно или нет, винил себя. Именно его противники, а не он, толкали Англию к абсолютизму ²⁷. Это в известной мере объясняет отмеченную Дж. Моррилом черту: в 1640 - 1641 гг. не парламент, а именно король обвинял противников в намерении установить тиранию ²⁸. Карлу I было присуще то, что К. Рассел назвал "узким видением" (tunnel vision), и это, по мнению историка, лучше объясняет отношения короля с парламентом, чем конституционная теория. Придерживаясь определенных опасений, Карл I и не предполагал, что другая сторона может испытывать опасения иного рода, поэтому реакцию парламентариев он рассматривал так, будто последние разделяли его взгляды ²⁹. Он никогда не считал, что политика есть искусство возможного.

В литературе часто подчеркивалось, что среди эпизодов правления Карла I именно введение беспарламентского правления и последовавшие затем злоупотребления вели прежде всего к революции. Такой подход был подвергнут критике в ревизионистской историографии. Ч. Карлтон указывал, что "1630-е гг. неизбежно рассматривались в свете беспорядков 1640-х, сначала когда парламентарии, стремясь объяснить и оправдать свои попытки ограничить власть короны, занялись поиском так называемых "одиннадцати лет тирании", а потом когда историки искали в первой декаде царствования причины беспорядков следующей" ³⁰. Последние исследования заставляют по-новому взглянуть на многие аспекты британской истории этого периода. Прежде всего, в самом отсутствии парламента не было ничего исключительного: и при Якове I имели место долголетние перерывы в его деятельности; созыв парламента относился к королевской прерогативе. Финансовая политика была успешной, и государственная казна наполнилась; взимание штрафов за непринесение рыцарской присяги или пресловутых корабельных денег не выходило за рамки закона, и историки сегодня в принципе согласны, что сколь-нибудь значительного сопротивления корабельной подати не было вплоть до конца 1630-х годов. Уже в 1630 г. был восстановлен мир с Испанией и Францией, и современники, хорошо осведомленные об ужасах Тридцатилетней войны, видели в Англии остров благополучия. К тому же внешняя политика Карла тогда не выступала как претенциозная: кроме желания вое-

стр. 78

становить Палатинат в ней не видно было твердой направленности, и оно оказывало скромное влияние на ход международных дел ³¹. Звездная палата не только преследовала кальвинистов, но и защищала их от несправедливых решений низших судов. Успешной была деятельность королевских министров: Уэстон вывел страну из финансового кризиса, а Уэнтворт навел порядок в Ирландии.

Однако эти успехи нельзя и преувеличивать. Так, К. Брайс приводит следующие данные. Главная цель Уэстона состояла в том, чтобы урезать королевские расходы. Содержание королевского хозяйства достигало 260 тыс. фунтов стерлингов в год, что составляло порядка 40% всех королевских доходов. Отчасти это объяснялось непропорциональными тратами. При короле находилось от 1800 до 2600 человек (вместе с их домочадцами это приближалось к населению таких городов, как Эксетер или Норич). Для короля дважды в день готовилось 24 мясных блюда. Затраты на ежедневный рацион позволяли содержать в течение года почти две тысячи человек! Здесь действительно было поле для сокращений: сокращение королевского рациона до размеров, сопоставимых с тем, что королевская семья и ближайшие к ней люди действительно могли употребить, позволило бы освободить для других целей 80 - 90 тыс. ф. стерлингов. Но реформа была слишком дорогой в политическом отношении. Многие королевские слуги считали своим правом получать дополнительный доход за счет королевской казны, питаясь или продавая излишки. Они были заинтересованы в том, чтобы система не изменялась. Уэстону удалось лишь немного снизить расходы, однако никакой структурной реформы королевских финансов проведено не было. То, что ко времени его смерти в 1635 г. корона стала платежеспособной, объяснялось в большей степени не сокращением расходов, а повышением таможенных доходов и

поступлением денег за прерогативные права³².

Фактически в вопросе о 1630-х годах в современной историографии сталкиваются две позиции: то ли английская нация действительно примирилась с тем направлением в политике, против которого ее представители отчаянно сражались еще несколько лет назад; то ли она по-прежнему находилась в оппозиции, но при отсутствии парламента не располагала средствами для выражения своего недовольства. Кто ближе к реальности, те историки, которые, как Ч. Карлтон, считают, что дневники и личные архивы того времени показывают, что в центре внимания были совсем не политические проблемы, а другие скандалы или культурные события, или же те исследователи, которые подчеркивают, как К. Дурстон, что если бы недовольства, в том числе религиозного, не было, то не устремились бы, фактически бросая все, в Америку тысячи людей? Да, соглашаются постревизионисты, перерывы в деятельности парламента имели место и раньше, но никто из предшественников Карла I не намеревался в принципе править без него и не заявлял об этом. Дж. Соммервиль пишет: "При Якове люди опасались за будущее, при его сыне их пугало настоящее. Конечно, по стандартам сегодняшнего дня его правление совсем не было тираническим. Он не был Гитлером. Почему же тогда его политика вызывала недовольство? Ответ в том, что с точки зрения сторонников антиабсолютистских теорий его правление было и в самом деле тираническим"³³.

Если касаться роли непосредственно короля в те годы, то главным вызовом традиционной историографии стала упомянутая выше биография Карла, написанная К. Шарпом. В ней он не только подчеркнул, что король был активным государственным деятелем, но и утверждал, что он со своими министрами проводит блестящую политику, обеспечившую процветание страны. Расходы осуществлялись разумно: корабельные деньги, например, действительно пошли на нужды флота. Лод для Шарпа не самостоятельная фигура, а проводник религиозных идей короля, главный смысл которых все же не в борьбе с кальвинистами, а в противостоянии католической церкви. Характерно, что подобный подход в принципе отвергли исследователи, придерживающиеся разных позиций, как "несбалансированный"³⁴.

стр. 79

Но если не злоупотребления беспарламентского правления, то что же стало толчком для возникновения гражданской войны? Ревизионистские историки вполне определенно и достаточно убедительно показали, что события стали развиваться, когда в 1637 г. в Шотландию был отправлен Единый молитвенник. К. Рассел отмечал: "Решение ввести в Шотландии Единый молитвенник, с чего начались все британские беды, было настолько полностью решением Карла, и оно настолько естественно вытекало из его убеждений о природе власти, о Британии, о церкви, что отрицать его ответственность, значит отрицать очевидное. Он делил ответственность с другими, например, с Лодом или Уэдценбурном, епископом Данбланским, но эти люди были назначены им, они разделяли его взгляды, да и назначены, видимо, были потому, что разделяли их... Что касается английского Тайного совета, то он и вовсе не мог вмешиваться в шотландские дела"³⁵.

Известно, что введение англиканского молитвенника в пресвитерианской

Шотландии привело к Ковенанту (соглашениям или союзам шотландских пуритан для защиты кальвинистской церкви и независимости Шотландии) и англо-шотландской войне, в которой королевские силы терпели поражение. М. Фиссел, автор исследования, посвященного этой теме, определенно возлагает вину за поражение на короля, и не только потому что тот начал войну, когда в политическом и финансовом плане Англия еще не была к ней готова, но и потому, что в ходе военных кампаний в полной мере проявилась его слабость как военного руководителя³⁶. Вероятно, в отношениях с ковенанторами Карлу не хватало гибкости. "Я скорее умру, чем подчинюсь неприемлемым и ужасным требованиям", - произнес он слова, ставшие пророческими. Но и шотландцы не были готовы к уступкам: они фактически разорвали Бервикское соглашение, позволявшее королю сохранять известный контроль над шотландской церковью. Винить в военных неудачах одного короля, считает Рассел, не совсем справедливо, тем более, невозможно сказать, какие действия могли бы точно привести к успеху. Возможно, Карл I зря прислушался к советам и отказался от сражения у Бервика в 1639 г., когда его армия еще получала жалованье. Возможно, лучшее взаимодействие с Коротким парламентом или вовсе отказ от идеи собирать его, давали определенный шанс на успех. Во всяком случае, пишет Рассел, "причины военного упадка Англии лежали столь глубоко в структуре общества и управления, что в нем трудно винить одного короля"³⁷.

Решение о созыве Короткого парламента, как известно, было принято по инициативе Уэнтворта, получившего в 1640 г. титул графа Страффорда, которого король в критический момент войны с Шотландией отозвал из Ирландии. Корона сразу предъявила требование субсидий, после чего была готова рассматривать жалобы депутатов. Пим в своей речи заявил, что обсуждать субсидии на войну можно только после того, как будут удовлетворены требования палаты. Когда стало известно, что депутаты намерены поставить вопрос о разумности шотландской политики короля, он распустил этот парламент, просуществовавший всего две недели. Новые поражения и вторжение шотландской армии в Северную Англию сделали неизбежным в ноябре 1640 г. созыв Долгого парламента, арестовавшего Лоу и казнившего Страффорда. Карл I из боязни за безопасность своей семьи вынужденный подписать смертный приговор Страффорду, который сам попросил суверена об этом, никогда не избавился от чувства вины и считал свою судьбу возмездием за слабость: "Карл не простил себе этого никогда. Он верил по-настоящему, что смертный приговор, вынесенный в отношении его самого восемь лет спустя, был справедливым божьим наказанием за то, что он дал согласие на смерть своего верного слуги"³⁸. Подписывая приговор 10 мая, со слезами на глазах, Карл даже не придавал значения тому, что одновременно подписал другой, потенциально более революционный акт: отныне парламент не мог быть распущен иначе, как по собственному решению. Возможно, это было сделано в надежде на то, что палата лордов рассмотрит его обращение к ней и проявит милосердие, заменив Страффорду смерть на пожизненное заключение.

Билль о нераспускаемости парламента был отчасти порожден самим Карлом I, рассчитывавшим на "армейский заговор" для спасения Страффорда. Законодательство Долгого парламента, которое Карл был вынужден признать,

свидетельствует, что парламентарии не только стремились восстановить поправные права парламента, но и ограничить традиционную королевскую прерогативу. Немалым препятствием для соглашения была и позиция "хунты Пима", действительно ошибочно полагавшей, что Генриетта-Мария, Лод, ряд королевских советников и, как считали некоторые, сам король, составили заговор с целью восстановления католицизма в Англии. Эти подозрения усугублялись католическим восстанием в Ирландии, начало которого, "несомненно, было несчастьем для Карла"³⁹. Это делало соглашение невозможным, следствием чего стала "Великая ремонстрация", а в январе 1642 г. была предпринята попытка короля арестовать пятерых лидеров оппозиции, отражавшая непонимание им глубины конфликта. Он действительно считал, что имел дело с заговором, уверенный в том, что если устранить группу "зловредных людей", согласие с подданными будет найдено. Можно обратить внимание на мнение К. Рассела: "В исторической памяти англичан настолько укрепилось, что обвинения в адрес пяти членов провалились, что требуется напомнить, что их легальная основа была вполне обоснована". И если бы суд состоялся, доказательств измены было бы неизмеримо больше, чем в процессе Страффорда⁴⁰. Рассел считал, что основная доля вины за неудачный результат последней попытки достичь соглашения весной 1642 г. лежит все же на короле: "Необходимость договариваться с парламентом, вести переговоры с ковенантарами, заключить мир после гражданской войны ставила Карла в поле глубочайшей его слабости. Будучи вынужденным иметь дело с теми, кому он не доверял, король раздражался и злился, что подливало еще больше масла в огонь"⁴¹.

В августе 1642 г. Карл Стюарт поднял королевский штандарт над Ноттингэмским замком в знак начала военных действий против мятежного парламента. В отличие от оценки всех предыдущих этапов его правления, в отношении деятельности короля в годы гражданской войны в новейшей историографии не существует, кажется, больших расхождений. С одной стороны, признается, что источники однозначно подтверждают личную храбрость Карла, проявившуюся во многих военных событиях. "Невозможно усомниться в его храбрости", - пишет Ч. Карлтон и подтверждает этот тезис многими примерами⁴². Он разделял тяготы военной жизни; это было время постоянных перемещений по стране. Этот историк подсчитал, что, например, с 9 апреля по 23 ноября 1644 г. Карл был на коне 92 дня, или 40% времени. Тогда он преодолел 949 миль⁴³. С другой стороны, он не располагал необходимой харизмой. Как относились к Карлу I солдаты и офицеры его армии? Судить об этом нелегко, хотя интересная попытка сделать это есть в новейшей историографии. После Реставрации правительство Карла II предприняло меры, чтобы облегчить положение ветеранов-инвалидов, раненых в боях с круглоголовыми. Для получения помощи требовалось подать петицию. Петиции девонских ветеранов использовал как источник британский историк М. Стойл⁴⁴. Оказалось, что дать точный ответ нелегко: просители чаще всего прибегали к официальным титулам, включенным в текст акта 1662 г.: "благословенной памяти король, отец Его Величества", реже использовались фразы "покойный король", еще более редко "наш король-мученик", "Карл-мученик". Отсутствие таких эпитетов в официальных текстах отражает стремление не возрождать прежней вражды. Почему же эти люди сражались за короля? Ответ дают такие слова, как "послушный", "верный", "обязательный", чаще всего употребляется слово "лояльный". О чем петиции позволили судить более определенно: многие простые солдаты роялистской армии и после гражданской войны сохраняли чувство вовлеченности в общее дело, в частности, через те контакты, которые они поддерживали в течение десятилетий со

Возвращаясь к вопросу о роли Карла I в гражданской войне, отметим, что, по мнению историков, он не обладал военно-стратегическими талантами. У него не было перспективного видения войны, он был скорее склонен следовать спонтанным решениям, советам тех, кто оказывался рядом в последний момент. Ч. Карлтон полагает, что был только один эпизод войны, когда король преодолел эту вредную привычку и проявил полководческие качества. Он имеет в виду Лоствительскую кампанию 1644 года⁴⁵. В целом же за годы войны Карл допустил целый ряд серьезных стратегических просчетов. Он не использовал двух открывавшихся для него возможностей взять Лондон - после Эджилла в 1642 г., что предлагал сделать принц Руперт, и после осады Глостера и Гулля в 1643 году. Он привлек для службы ирландских солдат, а это мало что дало с военной точки зрения, но принесло огромный психолого-пропагандистский вред. В начале 1644 г. он снял гарнизоны, охранявшие подходы к Оксфорду, что повлекло за собой самые опасные последствия. Наконец, в 1645 г. он разделил роялистские силы и вступил в сражение при Несби, не дождавшись подхода генерала Горинга, как ему советовали. Король также оказался неспособным приостановить распри в среде его командиров. "Непригодность Карла как военного лидера была только одной из самых важных причин, которые загнали в гроб роялистское дело в 1642 - 1646 гг.", - считает К. Дурстон⁴⁶.

Это мнение вполне разделяет Карлтон: "Уже в первой кампании проявились две фатальные слабости Карла как военкомандующего: во время битвы он проявил неспособность использовать преимущества своего положения или приостанавливать атаку; в военном совете он был неспособен координировать усилия и ограничивать фракции"⁴⁷. Отмечают также, что кроме личного соперничества, среди командиров роялистов были и разногласия по принципиальным вопросам, в частности об условиях достижения мира. Тогда как умеренные, в том числе Э. Гайд (позднее граф Кларендон), искали соглашения на приемлемых условиях, король все более прислушивался к советам крайних, в том числе королевы, принца Руперта или лорда Дигби. Последний был назначен им государственным секретарем после гибели умеренного лорда Фолклэнда в 1643 году⁴⁸.

К этому добавляются и такие соображения: кавалеры не создали эффективной разведки; более того, часто игнорировали необходимость использовать шифры и коды, в армии Карла I было слишком много офицеров, особенно аристократов, а пищи не хватало. Рассказывают, что однажды во время осады Оксфорда солдат закричал со стены: "Круглоголовые, забросьте мне половину барашка, а я сброшу вам лорда". Силы и ресурсы кавалеров были слишком разбросаны по многим гарнизонам. Армии Карла I не хватало пехоты. Районы, контролируемые роялистами, были самыми бедными и мало заселенными, Карл не мог позволить себе потерять хоть одного человека. Чем рассчитывать на ирландцев, ему следовало больше заботиться о наборе пехотинцев, больше платить своим солдатам, чтобы не было грабежей и мародерства, ценой которых стала утрата общественной поддержки

Еще в 1642 г., после Эджилла, король, выдвинув неприемлемые требования, не использовал возможность, которую давало прибытие делегации Лондона: посясть рознь между городскими властями и парламентом. Позднее, все попытки переговоров, которые затевала парламентская сторона, заходили в тупик. Поводом часто становилось отсутствие у делегатов официальных полномочий, которые вряд ли могли быть представлены. В этом проявилась главная слабость Карла, не умевшего вести переговоры, подразумевающие поиск компромисса и требующие гибкости. Эта черта его личности в полной мере проявилась позднее, после поражения, когда король сдался шотландцам, когда, находясь в Холденби Хаузе, вел переговоры с парламентом, затем когда он был захвачен армией в Саффолке, и в Хэмптон-Корте вел переговоры с ее руководителями, в том числе с О. Кромвелем и зятем последнего Айртоном, о достижении соглашения на основе "Глав предложений". Карл никогда не принимал идеи, что политический процесс требует

стр. 82

сделок и уступок. Его метод состоял в том, чтобы просто определить собственные цели и добиваться их⁵⁰. Ведение же этих переговоров было непростым делом и для армейских грандов: армейские низы с глубоким подозрением относились к таким попыткам. Для Карла же договариваться с теми, кто, по его мнению, вовсе не обладал для этого никаким законным статусом, было серьезной психологической проблемой, даже если условия (кроме тех, которые касались религии) были для него выгоднее, чем те, что парламентарии предлагали раньше. Особое раздражение у него вызывал Айртон, который решительно не демонстрировал того "особого" отношения, к которому Карл привык в силу своего статуса.

В любом случае, надежда на соглашение исчезла окончательно, когда в ноябре 1647 г. Карл скрылся из Хэмптон-Корта. После неудачных попыток найти судно, способное доставить его на континент, король сдался парламентскому губернатору острова Уайт, где и пребывал последующие недели, принимая эмиссаров парламента и шотландцев. Результатом стал договор с последними, по которому король обязался ввести в Англии пресвитерианскую религию, а те - вступить в войну на его стороне. Результатом стала новая гражданская война, в ходе которой в сознание армейских руководителей утвердилась мысль, что Карл - "человек коварный", и договориться с ним нельзя. Шотландцы и роялисты были разгромлены, но в октябре и ноябре 1648 г. парламентарии снова вступили в переговоры с Карлом, хотя в кругу близких людей последний не скрывал, что ищет возможности укрыться на континенте. Армейские лидеры прервали подозрительные переговоры путем "прайдовой чистки", сохранив места в "охвостье" только для своих сторонников; сам же Карл был доставлен в Лондон, и 20 января начались заседания Верховного трибунала, законность которого король, разумеется, не признавал. Да и не он один! Левеллеры не видели в учреждении такого органа ничего, кроме стремления индипендентов к тирании; Карл как любой "свободнорожденный" англичанин мог быть судим только присяжными. Они передавали королю книги и советы, как защищаться⁵¹. Поскольку король полномочия суда не признал, заседания проводили без него. Как "изменника, тирана,

публичного врага государства" его приговорили к смерти.

В день казни, 30 января, король простался с младшими детьми и просил принца Генри не становиться королем, пока живы его старшие братья Чарльз и Джеймс; действительно, не исключалось, что индипенденты могут искать такой выход из политического тупика. Последние часы он провел со своим духовником. В два часа за ним пришли. Эшафот был сооружен у Уайтхолла, напротив Банкетного зала. Палач и его помощник были загримированы так, чтобы никто и никогда не смог их узнать. Посредине эшафота располагался блок, куда требовалось положить голову, и он был таким низким, что встать на колени было недостаточно; требовалось лечь. Вся процедура заняла примерно пятнадцать минут. Карл вел себя воистину с королевским достоинством. Гранды понимали, что они не смогут лишиться короля возможности, дававшейся любому осужденному - обратиться к народу. Но они отдалили толпу, расположив охрану как барьер - люди с трудом могли расслышать отдельные слова. Поэтому Карл, поняв это, быстро оставил попытку говорить, обращаясь к толпе, он говорил так, чтобы слышали те, кто был рядом на эшафоте в его последние минуты. Вспомнив Страффорда, он начал с того, что наказан несправедливым приговором за то, что сам участвовал в вынесении несправедливого приговора. Он говорил, что умирает с Богом и верой, за свободу народа. Подданный и суверен - это не одно и то же, и он отдает жизнь, чтобы защитить народ от произвола, он - "мученик за народ". Он уходит в другое, некоррупцированное царство, где нет волнений и беспорядков. Произнося свою последнюю речь, Карл перестал заикаться⁵². Палач хорошо выполнил свою работу - голова была отсечена одним ударом.

Как уже отмечалось, историки в принципе солидарны, что на самом Карле лежит если не львиная, то, во всяком случае, немалая доля вины за собственную судьбу. И все же невозможно избавиться от ощущения разли-

стр. 83

чия нюансов: с этической точки зрения оценки историков различаются. Одни полагают, что после поражения в первой гражданской войне "он вел себя, как безрассудный и невезучий игрок. Отбросив все призывы к благоразумию, продолжал делать ставки до тех пор, пока не потерял все деньги и не был силой выгнан из казино"⁵³. Ч. Карлтон не снимает с Карла вины за многое, но психологический анализ, его понимание характера и природы поступков короля глубже: он мог быть безумно отважен в сражении, но затем погружался в летаргию и атмосферу пассивных страданий. Был эпизод: экипаж Карла оказался под страшной грозой, и когда ему предложили укрыться, он отказался. Затем, когда восхищались его выдержкой, он ответил: "Как Бог посылает нам испытания, чтобы проверить наше терпение, так он дал нам терпение, чтобы выдержать их". "Из такого теста делаются мученики", - заключает Карлтон⁵⁴.

Судьба Карла I напоминает, что отсутствие гибкости и желания договариваться, однозначная уверенность в правильности только своих принципов может быть пагубна и для политика, и для целой страны. Рассел заметил: характерно, что историки, стремясь избавиться от наследия Т. Карлейля, до сих пор противятся

предположению, что на какого-нибудь одного человека всегда можно возложить ответственность за целую серию событий. В каждом обществе происходят какие-то долговременные изменения, которые один человек не может ни создать, ни изменить. "Тем не менее, - пишет он, - стоит заметить, что политики-практики куда в меньшей степени отрицают, что кто-то один может быть ответственен за главные события. И в этом есть большая доля истины... Восторжествует ненависть или ее удастся избежать, - в большой степени результат личных отношений" ⁵⁵ .

Примечания

* Статья подготовлена при поддержке Центрально-Европейского университета (г. Будапешт).

1. WEDGWOOD C.V. The Trial of Charles I. Lnd. - N. Y. 1983 (1st ed. 1964), p. 9.
2. ASHTON R. The English Civil War. Conservatism and Revolution 1603 - 1649. Lnd. 1989 (1st ed. 1978), p. 4
3. CLARK J.C.D. Revolution and Rebellion. State and Society in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Cambridge. 1986, p. 21.
4. STONE L. The Causes of the English Revolution, 1529 - 1642. Lnd. 1972, p. 145.
5. CLARK J.C.D. Op. cit., p. 23.
6. CARLTON Ch. Charles I. The Personal Monarch. Lnd. -N. Y. 1995 (1st ed. 1983), p. 52 - 53.
7. Ibid., p. 81 - 82.
8. CLARK J.C.D. Op. cit., p. 37.
9. MORRILL J.S. The Nature of the English Revolution: Essays. N. Y. 1993, p. 303.
10. См.: RUSSEL C The Fall of the British Monarchies 1637 - 1642. Oxford. 1991.
11. MORTIMER I. Revisionism Revisited. - History Today. 2004. March. Vol. 54 (3), p. 38 - 39.
12. SOMMERVILLE J.P. Politics and Ideology in England, 1603 - 1640. Longman. 1986, p. 3.
13. HUDGES A. The Causes of the English Civil War. Lnd. 1991, p. 158.
14. CARLTON Ch. Op. cit., p. XL-XII.

15. Цит. по: *Ibid.*, p. XVII.
16. RUSSEL C *The Causes of the English Civil War*. Oxford. 1990, p. 185 - 187.
17. SHARPE K. *Charles I and the Personal Rule*. Yale. 1992.
18. CARLTON Ch. *Op. cit.*, p. XVII-XVIII.
19. CARLTON Ch. *Op. cit.*, p. 52.
20. См.: DURSTON Ch. *Charles I*. Lnd. - N. Y. 1998, p. 5.
21. *Ibid.*, p. 19.
22. CARLTON Ch. *Op. cit.*, p. 60.
23. *Ibid.*, p. 20.
24. CARLTON Ch. *Op. cit.*, p. 109.
25. RUSSEL C *Parliaments and English Politics 1621 - 1629*. Oxford. 1979.
26. См.: COGSWELL Th. *The Blessed Revolution: English Politics and the Coming of War 1621 - 4*. Cambridge. 1989; *Conflict in Early Stuart England*. Lnd. 1989; CUST R. *The Forced Loan and English Politics 1626 - 1628*; HUDGES A. *The Causes of the English Civil War*. Lnd. 1991; SOMMERVILLE J. *Op. cit.*

стр. 84

-
27. CARLTON Ch. *Op. cit.*, p. 83 - 84.
 28. MORRILL J. S. *Op. cit.* Ch. 15. *Charles I, Tyranny and the English Civil War*.
 29. RUSSEL C *The Causes of the English Civil War*, p. 195.
 30. CARLTON Ch. *Op. cit.*, p. 153.
 31. *Ibid.*, p. 169.
 32. B RICE K. *The Early Stuarts*. Bedford. 1994 (Ch. 7).
 33. SOMMERVILLE J.P. *Op. cit.*, p. 117.

34. Подробнее о критике Шарпа см.: DURSTON Chr. Op. cit., p. 29 - 37.
35. RUSSEL C The Causes of the English Civil War, p. 186.
36. FISSEL M. The Bishops' Wars: Charles I's Campaigns against Scotland 1638 - 1640. Cambridge. 1994.
37. RUSSEL C The Causes of the English Civil War, p. 186 - 187.
38. SCHAMA S. The History of Britain. V. 2. Lnd. 2000, p. 114.
39. DURSTON Chr. Op. cit., p. 45.
40. RUSSEL C The Fall of the British Monarchies 1637 - 1642, p. 447 - 448.
41. RUSSEL C The Causes of the English Civil War, p. 188.
42. CARLTON Ch. Going to the Wars: The Experience of the British Civil Wars 1638 - 1651. Lnd. - N. Y. 1992, p. 186 - 187.
43. Ibid., p. 109.
44. STOYLE M. "Memoires of the Maimed": The Testimony of Charles I's Former Soldiers, 1660-1730. - History. 2003. April. Vol. 88. N 290.
45. CARLTON Ch. Going to the Wars, p. 121.
46. DURSTON K. Op. cit, p. 53.
47. CARLTON Ch. Charles I. The Personal Monarch, p. 258.
48. ANDERSON A. The Civil Wars 1640 - 1649. Bedford. 1995, p. 85.
49. CARLTON Ch. Charles I. The Personal Monarch, p. 273.
50. RUSSEL C The Causes of the English Civil War, p. 198.
51. SCHAMA S. The History of Britain. V. 2, p. 184.
52. CARLTON Ch. Charles I. The Personal Monarch, p. 354.
53. DUMSTON Chr. Op. cit, p. 62.
54. CARLTON Ch. Charles I. The Personal Monarch, p. 271.

55. RUSSEL C The Causes of the English Civil War, p. 207.

стр. 85